

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

УДК 101.1

DOI: 10.21146/1606-6251-2023-3/4-5-32

Ю.М. Резник

ОБ ОСНОВАНИЯХ ФИЛОСОФСКИХ СТРАТЕГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЗАПАДНЫЕ РЕЦЕПЦИИ И СОБСТВЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОРИЕНТИРЫ

***Аннотация:** Автор статьи настаивает на том, что состояние и будущее отечественной философии обусловлено необходимостью смены цивилизационных ориентиров (паттернов) России. Прежняя стратегия (ориентация на линейное развитие) ей уже не подходит. Она явно противоречит логике культуры России и нынешней ситуации её цивилизационного противостояния с Западом. Возможно, ей больше подходит стратегия становления как нелинейного движения, ориентированного на собственные цивилизационные паттерны, которые в свою очередь неразрывно связаны с разнообразием местобития России как государства-цивилизации и экосистемы.*

***Ключевые слова:** Россия, философия, философская стратегия, цивилизация, линейное развитие, нелинейное движение, становление, модерн, не-модерн, инверсия.*

***Предисловие.** На протяжении последних тридцати лет отечественные философы стремятся занять своё место в публичном пространстве современной России. Они ищут пути развития стра-*

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, вице-президент РФО (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru

ны, предпринимая всё новые и новые попытки сформулировать её цивилизационные ориентиры. И здесь без влияния западной философии, конечно же, не обошлось. Восемь лет назад вышел сборник материалов «Философия в публичном пространстве современной России» [4]. В нём представлены Доклад Совету при Президенте РФ по науке и образованию, а также предложения о проведении года философии в России и созданию национального философско-просветительского центра в стране.

С тех пор прошло 8 лет, и ситуация в стране и в мире радикально изменилась. Россия вступила в очередную схватку с так называемым коллективным Западом. Камнем преткновения вновь стала культура и соответственно — не только политический, но и культурный суверенитет нашей страны. Так что «столкновение цивилизаций», о котором писал Хантингтон, входит в самую острую фазу. И его содержание теперь определяют во многом культурные противоречия, в т.ч. конфликт между традиционными и модерными ценностями, между неотрадиционализмом и неомодернизмом.

На том, что модерн есть особая цивилизация, настаивает Й. Арнасон. «Новая цивилизация прежде всего основывается на новой культурной ориентации такого масштаба, что она изменяет всю структуру человеческого бытия в мире» [1, 29-30]. И поскольку автор убежден в идее множественности модерностей, то можно предположить, что и цивилизацию нужно рассматривать во множественном числе. На первый взгляд современных цивилизаций существует столько, сколько существует вариантов модерна. Но этим не ограничивается деление цивилизаций. Ряд из них принято относить к не-модерным — традиционным или неотрадиционным.

С моей точки зрения, между цивилизациями существует, как минимум, несколько существенных культурных различий. Это — ориентации на веру или разум (соответственно — традиционные и современные цивилизации), установки на поддержание образцов или развитие (традиционные и современные цивилизации), направленность на линейное развитие или становление, нелинейное движение (соответственно цивилизации как модерна, так и не-модерна, например, неотрадиционализм). По этим критериям Россия относится скорее к современным цивилиза-

циям, чем к традиционным. Но это ещё следует доказать. Ведь современная цивилизация может существовать в логике как модерна, так и не-модерна, или в «смешанном» варианте (как, например, китайская цивилизация, которая смогла соединить в своём бытии лучшие культурные традиции прошлого и паттерны модерна).

Отечественная философия призвана предложить собственное видение цивилизационного развития России, которое должно соответствовать собственной логике развития её культуры. Поскольку философия есть не только область знания, но и общество или институт, то для этого ей нужна своя стратегия, т.е. модель действий, определяющая идейно-ценностные приоритеты философов и основные пути достижения их исследовательских целей.

В данной статье мне предстоит проанализировать несколько примечательных философских стратегий, соответствующих недавнему прошлому и настоящему современной России. Это, с одной стороны, – стратегия линейного развития, соотносящаяся с проектами цивилизации модерна (как в единственном числе, так и во множественном числе), предложенных и реализованных на Западе, а с другой, стратегия становления или нелинейного движения, соответствующая проектам цивилизации не-модерна, которые осуществляются в ряде стран не только на основе их разнообразных традиционных ценностей, но и с учётом современных инноваций, в т.ч. экологических.

В качестве методов исследования я буду использовать, с одной стороны, онтологический анализ стратегий самой философии, отсылающий нас к основаниям социокультурной реальности и цивилизационным паттернам, на которых базируются её представления о человеке и мире, а с другой, анализ имплицитных значений и механизмов, содержащихся в разных стратегиях. В качестве таких механизмов я рассматриваю инверсию и прямые или косвенные рецепции (см. прим. 1).

Для начала представлю некоторые версии философской стратегии России, построенные на основе тех или иных цивилизационных паттернов.

О философской стратегии, разработанной с учетом паттернов цивилизации модерна. В сборнике, о котором речь пойдёт даль-

ше, была предпринята очередная попытка определить на фоне мировых трендов роль философии в формировании цивилизационного будущего России, а именно как цивилизации модерна западного типа [4]. Во вступительной статье А.В. Захарова говорится о том, что «востребована стратегия опережения времени, а не тактика выживания. При этом очевиден главный запрос российского общества – ясное видение образа будущего нашей страны» [4, 7].

Доклад примечателен тем, что он чётко выражает, с моей точки зрения, позицию сторонников цивилизации модерна западного типа в нашей философской элите. С большинством выводов авторов доклада я готов согласиться. Но следует отметить, что они сформулированы 8 лет назад, когда Россия ещё не вступила в открытую конфронтацию с Западом. А значит рекомендацию, изложенные в докладе, с учётом сегодняшних реалий могли быть и другими. Но значимость доклада, помимо прочего, в том и состоит, что в нём имеются положения, которые до сих пор вызывают вопросы у читателей и коллег.

Что же конкретно предлагается уважаемыми авторами доклада, и какие именно вопросы в связи с этим возникают (или могли бы возникнуть) у тех, кто познакомился с их текстом?

1. Первый тезис авторов доклада гласит, что философия должна занять своё место в публичном пространстве России, т.е. в пространстве «жизни человека в гражданском обществе...», в котором разворачиваются диалоги и споры по общественно значимым вопросам... «Только в результате продуктивной публичной интеллектуальной дискуссии может быть сформулирована и аргументирована ценностная позиция России, принципы её *цивилизационной стратегии* (курсив – Ю.Р.), основания для вовлечения нашей страны в международный интеллектуальный контекст» [4, 8].

В докладе ясно сформулированы основные задачи – определить принципы цивилизационного развития России и место философов в публичном пространстве страны. Очевидно также, что понятия «гражданское общество» и «публичное пространство» заимствованы из политического дискурса Запада. Поэтому не совсем понятно, что конкретно имеется в виду под международным интеллектуальным контекстом. Почему мы должны

искать обоснование своим исследовательским проектам, привязывая их к «мировым» трендам развития философии, которые, как известно, задаются на Западе? Разве они не должны быть самодостаточными и апеллирующими непосредственно к нашим социокультурным и политическим реалиям?

2. По мнению докладчиков, Россия должна сформировать посредством философии *образ мыслящей страны*. А для этого необходим регулярный диалог между государством и гражданским обществом. По-видимому, авторы исходят из того, что Россия пребывает в интеллектуальной коме или во сне, и ей необходима встряска – «творческая атмосфера», «воздух интеллектуализма» и пр. В качестве примеров приводится поддержка интеллектуалов Флоренции семьей Медичи в XV веке («эффект Медичи») и американская Силиконовая долина в Калифорнии. Почему приведены именно эти, а не другие примеры, опять же, не ясно.

А как создать образ «мыслящей страны» – тоже не совсем понятно из содержания доклада. Ведь у нас уже есть попытка создания своей Силиконовой долины (например, инновационный центр «Сколково»). Но что-то не заладилось. Может быть, стоит задуматься над тем, почему заимствованные инновации и паттерны чаще всего не приживаются у нас, а в ряде случаев сопровождается финансовыми махинациями? Возможно, наша культурная почва их не принимает. И причина здесь состоит не только в излишней бюрократической регламентации и коррупции. Ведь непосредственные репликации (копирования) редко дают желаемый результат.

3. Что же конкретно предлагают разработчики данной философской стратегии, чтобы изменить ситуацию к лучшему? Они намерены поставить философию в *центр публичного пространства*, которое, в свою очередь, следует интегрировать в международный интеллектуальный контекст, являющийся для некоторых авторов доклада, по-видимому, последней и бесспорной инстанцией. Для нас же очевидно, что международный контекст сегодня определяют представители западной философской элиты, хотя вряд ли мы сможем научиться мыслить как они. Мыслить как на Западе, как свидетельствует исторический опыт, не получится. У нас другая, нелинейная логика мышления. Мыслить же с учётом нашей культурно-цивилизационной специфи-

ки мы никогда не переставали. Просто эти мысли философы консервативной ориентации не высказывали вслух, предпочитая держаться в тени тренда, навязанном нам в 1990-е – 2000-е гг. либеральными западниками.

Сегодня же, по мнению авторов доклада, на первый план выдвигаются вопросы формирования идентичности личности, справедливости, общественного блага, патриотизма и пр. Философы могут предложить конкретные рекомендации по преобразованию общества. И всё это необходимо сделать «совместными усилиями представителей академической и университетской науки, бизнес-сообщества, институтов гражданского общества и независимых исследователей» [4, 14]. Для координации работы предлагается создать Национальный философско-просветительский центр. Идея прекрасная, хотя и утопическая. Она продиктована извечным и неистребимым стремлением либерально мыслящей части философов влиять на сознание народных масс и политические процессы.

А есть ли у нас гражданское общество, которое якобы должно вести диалог с государством? Скорее всего, есть, но очевидно, что оно совсем другое, чем на Западе, а значит и диалог оно может и должно вести по-своему, имея дело совершенно с другим государством (см. прим. 2). Ведь, если следовать нынешнему идеологическому тренду на Западе, государство у нас оказывается авторитарным, не соответствующим, как утверждают сегодня западные лидеры, демократическим критериям. Время противостояния двух мировых систем (капитализма и социализма) ушло в прошлое. Теперь на повестке дня политического дискурса находится идеология противоборства демократии и автократии, которая требует иного философского обоснования.

Конечно, можно попытаться переломить ситуацию и склонить власть к диалогу, используя привычные для неё механизмы инверсии. Удивительно, но нынешняя власть, фильтруя благодаря штатным пропагандистам информацию «снизу», находит свои каналы взаимодействия с народом, минуя институты так называемого гражданского общества, которые в большинстве своём остаются декоративными (квазигражданскими) и нужны лишь для того, чтобы имитировать общественную активность. Возможно, нынешней власти нужны не только декорации граж-

данственности общества и правового государства, но и декоративная философия. Так что достучаться до власть имущих у нашей философской элиты пока не получается. Чаще всего последняя принимает предложенные ей «правила игры», используя собственные механизмы имитации и декорации.

4. Философия справедливо рассматривается авторами доклада как необходимый инструмент созидания будущего России. Вопрос заключается лишь в том, какая культурная матрица принимается за основу. Если это матрица западной культуры, т.е. по преимуществу культуры неомодерна, то тогда понятно, почему предлагается именно проект модернизации России, который, по-видимому, планируется реализовать в соответствии с европейскими стандартами. А для этого потребуются «смена вектора развития с сырьевого на инновационный – проект не менее эпохальный, чем построение плановой экономики или создание на её руинах современного цивилизованного рынка. Речь идёт о “смене формации” и о новом качестве человека, его интеллектуального кругозора, его ценностных приоритетов, социальной активности» [4, 27]. И философия должна помочь очевидным образом власти в созидании такого инновационного будущего, подпитывая его наступление своей энергией и мобилизуя интеллектуальную энергию всего общества.

Следовательно, в центре внимания разработчиков доклада оказывается не только формация в её символическом понимании, но и сам человек, качество и ценности которого нуждаются в корректировке. Возможно, последний не устраивает некоторых авторов доклада. Ведь не случайно любая перестройка общества обязательно начинается с переделки человека. Возможно, сказывается сила инерции и инверсии, которую трудно преодолеть, находясь в иной системе цивилизационных координат? Можно, конечно, объявить Россию цивилизацией модерна, но от этого она не станет Западом, а российский человек не сможет мыслить и действовать как западный (европейский).

Можно также предположить, что какой-то части наших интеллектуалов нужна Перестройка-2, поскольку истинные цели Перестройки-1 не были достигнуты реформаторами 1990-х. Тогда им не удалось, учитывая неудачную, авторитарную по сути прививку демократии и криминальную приватизацию общенарод-

ной собственности, сменить формацию, разрушив до основания культурные устои общества и изменив тип человека. Удивительно, что российское общество, даже не будучи гражданским в его западном понимании, продолжает до сих пор сопротивляться последствиям радикальных реформ. По-видимому, чтобы изменить его цивилизационные приоритеты, необходимо совершить новые прививки сознанию человека, который оказался, по-видимому, слишком консервативным и «незрелым» для подобных социальных экспериментов. Так что инверсия западного опыта чревата инверсией сознания целого народа. Но всё это – лишь мои предположения, не относящиеся к сути анализируемого доклада.

5. Миссия же философии, с точки зрения авторов доклада, состоит в том, чтобы содействовать формированию критического и рефлексивного образа мышления своего общества. «На рефлексивную критику должна работать система, в том числе политическая, административная, информационная» [4, 29]. И, по-видимому, сама система (государство) должна стать, по их мнению, также рефлексивной (или рефлексивной).

О критическом мышлении и попытках привить его наиболее сознательным гражданам я уже писал неоднократно. Не исключаю того, что некоторые интеллектуалы хотели бы побудить и саму власть к рефлексии, предложив ей собственные критерии. А если вдруг у неё не хватит опыта рефлексивной критики или она по каким-то причинам окажется не готовой «рубить сук», на котором сидит, то можно сделать это за неё или путём просвещения отдельно взятых правящих кругов. Для остальной же массы населения философия должна вырабатывать «жизне-направляющие смыслы». О том же, нужна ли большинству людей, в т.ч. и власть имущим, подобная философская «жвачка», вопрос не стоит.

6. Назначение философии, по мнению авторов доклада, заключается также в том, чтобы соединить «начальные основы сущего, которые открываются в познании, с конечными целями человеческого существования, которые формулируются в качестве нормативной программы» [4, 30]. А это значит, что данная философия, занимающаяся производством жизненных смыслов, может претендовать также на корректировку «конечных целей человеческого существования», становясь тем самым частью

идеологии нового интеллектуального класса. Кому же, как не его представителям, конструировать при помощи понятий идеальные объекты, соответствующие желательным для них целям. Ведь достаточно определить новые признаки категорий, интерпретируя их по-своему, чтобы «...генерировать новые мировоззренческие идеи и тем самым вносить мутации в культуру, подготавливая кардинальные изменения социальной жизни» [4, 31]. Не этим ли занимались идеологи социально-экономических реформ в 1990-е гг.?

И далее: философия, с точки зрения докладчиков, является рефлексией над мировоззренческими универсалиями и базисными ценностями культуры. Легко предположить, что данная философия исходит из универсалий той культуры, которую она рассматривает как родовую. И нетрудно догадаться, что такой культурой для определённой части отечественной философской элиты выступает европейская, частью которой признаётся и русская культура (см. прим. 3). Но ведь так считают далеко не все российские философы, в т.ч. и авторы рассматриваемого доклада.

7. А ещё, философия, как следует из указанного доклада, нуждается в непосредственном воздействии на молодое поколение. Она призвана «сформировать в обществе, прежде всего, у молодёжи, символическую иммунную систему, обеспечивающую восприятие чужих идей с пользой для себя» [4, 37]. Именно такая система позволяет выработать иммунитет против вирусов чужого. Остаётся ответить на вопрос: что считать «чужим»? Может быть ту самую западную культуру, с которой ассоциируют себя многие отечественные философы.

Но ведь можно не только обсуждать и интерпретировать чужие идеи, что явно преобладает в отечественных философских публикациях, но и предлагать свои? К тому же в этой связи стоит переосмыслить идеи русской и советской философии, воспринимая их в порядке культурной преемственности и с учётом идейной близости. А лучше всего с чужими идеями следует обращаться в порядке рефлексивной критики. Ведь польза от них сомнительна, если они противоречат логике собственной культуры, а вред очевиден, поскольку разрушается её иммунная система. Не стоит ли обратиться к выработке идей, которые прекрасно сочетаются с культурными традициями России?

8. По мнению авторов доклада, философия нужна не только для смыслополагания и ориентации в жизненном пространстве, но и в качестве своеобразной терапии. Это — «исследование, диагностика и терапия социальных болезней... Условием жизнеспособности общества является способность к самоутверждению. Вера в себя избавляет от страха чужого и позволяет мирно с ним соревноваться» [4, 38]. По-видимому, автор этого фрагмента доклада убеждён в том, что российское общество тяжело больно и нуждается в радикальном лечении. А что если сами социальные терапевты страдают неизлечимым недугом? Могут ли они в этом случае претендовать на роль врачей? Это напоминает мне ситуацию, когда обитатели психиатрической клиники меняются местами со своими врачами, признавая болезнь нормой и отмечая прежние методики лечения.

Что-то меня смущает в этих мировоззренческих установках отдельных авторов доклада. Разве можно нарушать презумпцию нормальности большинства людей, считающихся здоровыми, и в одночасье объявлять их больными? У меня складывается впечатление, что автор данного фрагмента доклада под предлогом утверждения творческой свободы избранных, претендующих на роль новых реформаторов и по совместительству врачей, пытается скорректировать культурно-ментальную матрицу большинства российских людей, «излечить» их и привить им «правильный» образ мышления.

Вместе с тем, я очень сомневаюсь в том, что философия сможет «вылечить» людей от апатии, отсутствия чувства долга и пр. И не её это дело переоценивать ценности или корректировать конечные цели человеческого существования. Для этого существуют специальные области знания и практики (педагогика, медицина, психотерапия, религиозные и общественно-политические объединения). Не лучше ли оставить философии функцию «осмысления человеком своего места в мире...» [4, 37] и тем самым ограничить её практические притязания?

9. Философия, как утверждают авторы доклада, обязана создать привлекательный образ России. Но для разработки эффективной модели опережающего развития ей потребуется выполнить ряд императивных условий: достижение творческого Ренессанса в интеллектуальной сфере, защита частной собственно-

сти, гражданских свобод и пр. в правовой системе, создание среды здорового потребления в экономике, формирование идентичности в культуре в целом. И всё это явно или неявно указывает на паттерны западной цивилизации, которые остаются весьма привлекательными для значительной части нашей философской элиты. Неужели ради этого последняя готова устроить новую «встряску» обществу, а тех, кто не вписывается в указанные цивилизационные стандарты, подвергнуть принудительному лечению?

Поэтому принципиальным является вопрос к докладчикам о том, насколько необходима смена ценностей и смыслов, и стоит ли снова наступать на прежние грабли. Ведь они настаивают на том, что «чтобы изменить прежние жизненные смыслы, закреплённые в универсалиях культуры, а значит, и в категориальных структурах сознания данной исторической эпохи, необходимо вначале эксплицировать их, сопоставить с реалиями бытия и критически проанализировать их как целостную систему» [4, 42]. Зачем же нужно менять устоявшиеся смыслы жизни людей? Они ещё до сих пор не отошли от травм эпохи так называемых реформ. И о каких универсалиях здесь идёт речь?

Лично я не уверен в том, что надо что-то радикально менять, отказываясь от собственных культурных устоев и традиций, а также от собственной цивилизационной идентичности, которая уже существует, хотя может кому-то не нравиться. Развиваться так, как на Западе, мы всё равно не сможем, да и вряд ли должны. «Экономика знаний», «информационное общество», «инновационные технологии» — это всего лишь идеологемы позднего капиталистического модерна или неомодерна, который прикрывается разнообразными декорациями («посткапитализм», «капитализм общего блага» и пр.).

Тем не менее, авторы доклада убеждены, что, схватывая общее умонастроение эпохи, философы должны претендовать на производство жизненаправляющих смыслов. Они предлагают изменить институциональную среду, не соответствующую их представлениям об инновационном обществе. А для этого требуется перестроить культурно-ментальную матрицу России, привести в неё иные смыслы, идеи и ценности, а тем самым поменять культурно-цивилизационную идентичность людей. По сути предлагается заменить культурный или цивилизационный код стра-

ны, если таковой вообще существует. Оказывается, его не удалось сломать на протяжении трёх последних десятилетий. И, тем более, его нельзя сменить сегодня, т.е. в ситуации, когда страна находится в острой фазе цивилизационного противостояния с Западом.

Сможет ли Россия предложить миру привлекательный цивилизационный образец — это вопрос для дискуссии. Гораздо важнее то, что ей при этом удастся сохранить в результате подобных социокультурных трансформаций. Ведь вместе с водой можно выплеснуть и ребёнка, т.е. потерять «ядро» культуры, которое при всех его внешних наслоениях сохраняется на протяжении веков. Отбросить можно лишь не прижившиеся культурные заимствования и неудачные копии (рецепции), но не глубинные структуры культуры. И кто из философов готов с уверенностью утверждать, что тот или иной образ жизни и мышления его сограждан является более желательным для них или наоборот нежелательным? Отказаться от собственной культуры и ментальности в угоду политической, экономической или иной конъюнктуре — это значит отказаться от самих себя, т.е. от той самой идентичности, за которую ратуют национально ориентированные представители философской элиты. Мы это уже проходили в 1990-е гг. и чуть не потеряли Россию как культурно-цивилизационную целостность.

К тому же, я не считаю тупиком модель выживания России. Выживать — это значит балансировать на грани между возможным и невозможным, утверждать ценности жизни как таковой. Выживание не противоречит развитию. И, возможно, куда важнее для сохранения цивилизации оказывается ограничить свои потребности и зону применения инноваций, заимствованных извне и трансформирующих цивилизационные паттерны России.

Вместе с тем, могу предположить, что анализируемый доклад свидетельствует отчасти о смене цивилизационной парадигмы — с либерально-западной (неолиберальной) на либерально-консервативную и просветительскую, которая выступает либеральной по духу и консервативной по форме. Не только потому, что в качестве главной цели она ставит модернизацию России на основе европейских (и в целом западных) цивилизационных паттернов. И не потому, что её можно рассматривать

как часть глобального проекта Запада по переустройству мира. А, прежде всего, потому, что в ней проблемы инновационного развития страны, сохранения «Русского мира» и патриотического воспитания подрастающего поколения ставятся в контексте глобализации, осуществляемой по западному сценарию. При этом философия рассматривается как инструмент преобразования общества («Перестройки-2») посредством активного участия философов в интеллектуальной трансформации всех сфер общества. А это грозит опасностью превращения последних в новых социальных или человеческих инженеров.

Представленная стратегия линейного развития отечественной философии неразрывно связана с западной моделью цивилизационного развития России. Но какой быть философии — решать, в конечном счёте, не только самим философам, но и политической элите страны, которая непосредственно влияет на формирование и поддержание цивилизационных паттернов страны. И уж точно философы не должны брать на себя терапевтическую функцию, заниматься лечением социальных болезней или корректировать конечные цели существования людей, как это делали в своё время социальные инженеры. Пусть эту задачу выполняют другие специалисты и социальные институты. А философам, помимо прочего, следует направить свои усилия на разработку обоснованных вариантов российского проекта цивилизационного развития, которые учитывали бы социокультурные реалии России.

Ещё об одной философской стратегии для России: к философии цивилизации не-модерна. Евразийские мотивы и всесубъектность. В работах А.В. Смирнова обосновывается концепция всечеловеческого, на основе которой предлагается проект многоцивилизационного и многополярного мира. «Основным противоречием современной эпохи, часто именуемой эпохой глобализации, служит противоречие между утверждением об общечеловеческом характере цивилизационной модели, выработанной одной (европейско-американской) культурой, и множественностью векторов культурного развития, представленных историей и настоящим других локальных культур (арабо-мусульманской, индийской, китайской, российской и т.д.), выдвинувших собственные цивилизационные проекты» [2, 351-352].

На нынешнем же этапе исторического развития борьба за продвижение каждого из упомянутых проектов продолжается. Запад, предложивший в рамках концепции глобализации единые цивилизационные паттерны (демократия, свободный рынок, права человека и пр.), постепенно утрачивает позицию геополитического гегемона. Однако проект многоцивилизационного мира ещё не получил должного обоснования. Глобальная модель экономической эксплуатации мировой периферии в пользу центра (Запада) продолжает действовать.

По мнению А.В. Смирнова, в формировании цивилизационного проекта решающую роль играет логика культуры, выразить и осмыслить которую призвана современная философия. Он предлагает дополнить цивилизационный подход логико-смысловой концепцией. «Что касается логико-смыслового подхода, то он определяет культуру как способ смыслополагания. Культура рассматривается здесь как смыслообразующий феномен, как осмысленность. Логика культуры составляет стержень, удерживающий идентичность пучка культур и встраивающий его в определённый цивилизационный проект» [2, 354-355]. Она имеет отношение к созданию и порождению содержания, но не к самому содержанию.

А чем должна заниматься сегодня отечественная философия? Она может следовать логике всесубъектности и соответствовать исконно русскому желанию найти всеобщий смысл. Философия, как и русский язык, «являет эту интуицию всесубъектности, служит её носителем и проводником» [2, 359]. Другими словами, философы России являются трансляторами этой интуиции, которая предполагает логику все-включения. Это — логика «неутрачиваемой субъектности всех — не только меня, но и других» [2, 369]. Последняя соотносится с я-центрированной логикой западной философии, которая оправдывает индивидуалистическое мировоззрение со всеми его плюсами и минусами. «...Всё это: этика, общественная организация, формы политической жизни и так далее — стоит в европейской (и североамериканской) культуре на фундаменте субстанциональной логики, магистральной логики европейского мышления» [2, 369]. И всё это нельзя перенести на другую культурную почву. Оно просто не будет на ней расти.

Но что же делать отечественным философам в ситуации цивилизационного противостояния с Западом? Ответ очевиден: продолжать поиск. С точки зрения А.В. Смирнова, «...устоять может только та культура, которая опирается на собственный цивилизационный проект» [2, 380]. И ещё: «...Успешные и устойчивые цивилизационные проекты осуществляются тогда, когда был удачно найден срединный, второй уровень идентичности» [2, 390]. Вот почему так важна философская проработка вопросов самосознания российского общества, обоснование глубинного уровня его самоорганизации. Если культура есть способность к целостности (в случае с Россией – к всесубъектной целостности), то философия может быть понята как «стремление к всеобщей связанности». А что важнее для философа, чем реализовать данное стремление в полном объеме, находясь постоянно на границе между невысказанным и высказанным?

Именно взгляд классического евразийства А.В. Смирнов считает ближе всего к пониманию сущности российской цивилизации. Последняя придает самой философии смысл существования. Категории евразийской философии (целостность, всесубъектность, соборность, демотия, идеократия, правящий отбор, симфоническая личность и пр.) соответствуют логике большой культуры России. «В этом смысле Россия сама представляет собой культуру и государство, устроенное по логике всечеловеческого, а не общечеловеческого – что применительно к нашей стране означает акцент на всероссийском, а не общероссийском» [2, 405].

Русским философам предстоит продолжить дело, начатое классическими евразийцами. А это значит, что им и далее следует разворачивать целостность культуры в направлении всеобщей связанности. Возвращение к себе, в т.ч. к собственным философским истокам и критериям, – вот что требуется от них и их сторонников в нынешний драматический период истории. Указывая на культурно-цивилизационные основания собственного мышления, они тем самым вносят свой вклад в раскрытие самосознания всего российского общества. Но им ещё предстоит осмыслить собирание целостности «после субъектности», впитавшей в себя опыт пока лишь одной, субстанциональной логики культуры и соответствующей ей западной цивилизации.

Таким образом, в философии нам нужна, с точки зрения А.В. Смирнова, стратегия формирования логики всесубъектности и стратегия разворачивания целостности большой (евразийской по сути) культуры. В разворачивании целостности нуждается и сама философия. Поэтому стоит поддержать и следующий тезис автора: «Попытки надеть чужие одежды, которыми богата история нашей страны, пока что не принесли долговременного успеха. Стоит попытаться наконец стать самим собой» [2, 418]. Настала пора критически переосмыслить западный опыт философствования и выработать собственные основания дальнейшего философского поиска, т.е., того, что можно назвать, по словам Смирнова, «целостностным разворачиванием осмысленности».

Могу предположить, что обе описанные выше стратегии соотносятся друг с другом как два проекта цивилизационного развития России. Первая из них имеет прямое отношение к обоснованию дальнейшего движения России в цивилизацию модерна. Вторая намечает контуры цивилизационного проекта немодерна. Но это мой субъективный взгляд, с которым авторы обоих проектов вправе не соглашаться. Попытаюсь теперь показать некоторые существенные различия между этими двумя проектами.

Цивилизационные паттерны философских стратегий. Два проекта цивилизации для России. Чтобы понять суть той или иной философской стратегии для России, необходимо подробнее обратиться к анализу её цивилизационных паттернов, которые подразделяются условно на интерпретативные (схемы предельно широкой интерпретации мира) и институциональные (устойчивые формы или образцы совместной деятельности) [1, 20-21]. Именно на них строится всё здание философского знания в нашей стране.

Как известно, идея модерна пришла к нам с Запада, который «...являлся также первопроходцем и передовым отрядом модерности, — если и не единственным, то во всяком случае самым заметным и навязчивым» [1, 78]. Именно Западу принадлежат такие инновации модерности как индустриализация, урбанизация, демократизация, секуляризация и светское государство, революция в науке и образовании. И он же на протяжении XIX века стремился навязать образ универсальной цивилизации,

а также её инновации другим, незападным странам, которые существовали в лоне традиционных цивилизаций (например, арабо-мусульманская цивилизация). Но в 1917 г. что-то пошло не так. Свой проект модерна для многих стран мира предложил СССР. А после его распада значительная часть современных стран (Китай, постсоветская Россия, Иран и др.) отошли от трендов западного модерна и пошли своим путём.

Следовательно, согласно идее множественных модернов, Запад не является единственным центром глобальной модернизации. Сегодня ему противостоят не только проекты других модернов, но и проекты не-модерна или неотрадиционализма, в т.ч. модель социализма с китайской спецификой или проект «Россия-Евразия», предложенный в своё время классическими евразийцами и др.

Представлю вкратце два цивилизационных проекта России, в обосновании которых непосредственное участие принимали отечественные философы.

Во-первых, нужно понять роль философии и её *познавательных средств* в цивилизационном развитии России. Например, если цивилизация — это многонародное сообщество, «семейство» или система обществ, связанных культурными узами и общей исторической судьбой, то следует отвести философии вполне конкретное место. Она призвана построить целостную картину мира, в которой особую роль занимает собственная цивилизация, и объяснить её культурно-ментальные связи как внутри себя, так и с другими цивилизациями.

Для постижения цивилизации философия использует следующие инструменты: эпистемную цепочку «субъект-предикат» (субъект-предикатное конструирование) и онтологическую цепочку «человек — место бытия» (онтопроектирование). Разумеется, все эти инструменты требуют конкретизации и заслуживают отдельного исследования.

Во-вторых, цивилизация в России не может не иметь своих *институциональных форм*, которые можно обосновать, например, в терминах классического евразийства (соборность, автаркия, демотия, идеократия, правящий отбор, симфоническая личность и пр.). Нет необходимости подробно раскрывать их содержание. Достаточно обратиться к тексту Декларации «Евразийство»,

Табл. 1.

Проект модерна западного типа	Евразийский проект не-модерна
Автономия индивидов («частный эгоизм»)	Соборность (как духовное объединение трудящихся) и симфоническая личность
Многопартийная политическая система	Идеократия (государство, подчинённое евразийской идее)
Демократия	Демотия («прямое народовластие») и система советов
Свободный рынок	Авттаркия и плановое хозяйство
Капитализм и частная собственность	Государственно-частная система хозяйствования
Бюрократия	Правящий / ведущий отбор (в союзе с другими свободно избранными представителями народа)
Организованная наука, подчинённая интересам государства и бизнеса	Междисциплинарная наука, служащая евразийской идее и способствующая свободному духу исканий

которую принял I Съезд Евразийской Организации в 1932 г. [3] (см. также краткий аналитический обзор данных терминов в обзоре А.В. Смирнова [2, 394-406]).

Институциональные различия между западным капитализмом и евразийским строем можно представить в виде следующих дилемм, которые принадлежат двум разным проектам (цивилизаций модерна и не-модерна) в отечественной философии (см. табл. 1).

В-третьих, каждое из институциональных измерений цивилизации соответствует двум культурно обусловленным вариантам модерна – модерну западного типа и другому (например, китайскому) модерну.

А дальше проходит водораздел между модерном и не-модерном. Арнасон подчёркивает, что «...определяющей ориентацией модерности является значительно возросшее видение человеческой автономии. Это следует понимать в очень широком смысле, включая осознанное воздействие на мир и методическое стремление к пониманию его устройства, расширяющееся господство над миром и радикальную реконструкцию общества» [1, 30].

Позиция сторонников проекта не-модерна иная. Не думаю, что автономия в таком понимании была бы воспринята евразийцами как цивилизационный паттерн России. Возможно, они противопоставили ей соборность или культурную (симфоническую) личность. «Культурная личность есть, таким образом, соборное единство всех входящих в неё индивидуумов – прошедших, настоящих и будущих, со всеми отображающими своеоб-

разие культуры духовными и физическими качествами. Каждое поколение людей отражает только часть этих качеств, в полноте раскрывающихся в целостной истории отдельной культурной личности» [3, 444].

Значит ли это, что евразийский проект не имеет никакого отношения к модерну? Конечно же, нет. Скорее всего, он предлагает модель другого модерна или не-модерна. В моём представлении определяющей чертой модерна выступает не автономия, а ориентация на линейное развитие всех форм бытия людей. Вот почему идеологию модерна можно рассматривать как своеобразный «драйвер роста», определяющий движение типа «снизу – вверх». Но развиваться можно по-разному. Можно, например, идти «к самостоятельному построению основ собственного бытия, но и к участию в идейном руководстве судьбами мира» [3, 445]. Но не это (решение вселенских задач или осуществление всемирной миссии) в первую очередь волнует авторов декларации «Евразийство». Более всего их вдохновляет «служение своей собственной культуре» на основе её самопознания. А это ориентация на свои традиции и исторический опыт.

Обычно западные оппоненты обвиняют Россию в авторитарности и закрытости, противопоставляя ей идеи свободы и открытости либерально-демократических обществ. Вот как на эти замечания реагируют те же евразийцы. «Евразийство ценит и чтит начало свободы, однако не делает из него идола, как это свойственно некоторым течениям западной гуманитарной мысли. Свобода сама по себе есть идея, лишённая содержания и приобретающая ценности и смысл в зависимости от того, чем она наполнена... Евразийство и стремится к тому, чтобы наполнить свободу теми ценностями, которые обнаруживаются и развёртываются в жизни евразийской культуры» [3, 448].

Фактически мы имеем делами с двумя разными проектами цивилизационного развития – «развитием ради индивидуальных или корпоративных выгод» (западный модерн) и «развитием ради блага целого – симфонической личности (евразийский не-модерн)». Не-модерн не отрицает идеи развития и свободы личности, но он ставит их в определённые рамки и подчиняет служению целому (симфонической личности), ограничивая тем самым проявления эгоцентризма и стремление к вседозволен-

ности индивидов. «Евразийство, — как пишут авторы упомянутой выше Декларации, — проникнуто уважением к ценности человеческой личности, но в то же время оно безусловно враждебно к одностороннему культу животного человека, доходящему в пределе своём до обоготворения» [3, 448].

Человек в концепции евразийцев — это, прежде всего, духовный и соборный человек. Он не растворяется в социальном целом, а, напротив, сохраняя своё лицо и работая вместе с другими, призван Богом участвовать в общем деле. Таким делом как раз и выступает развитие России-Евразии в соответствии с логикой её различных культур. Цель евразийского проекта — построение государства социальной справедливости и правды, трудового государства, освящённого религиозным началом. Само же государство, как и экономика, должны служить идее процветания духовного человека, соотнося его интересы с интересами всей симфонической личности.

Таким образом, евразийство не отрицает идею развития, а вводит нелинейность (множественность и многоединое) в собственный проект другого модерна или не-модерна. Однако достаточно ли возможностей евразийского проекта для обоснования путей цивилизационного развития современной России? Думаю, что нет. Не вступая в спор с евразийцами, хочу отметить, что они, несмотря на отрицание подражания Западу, взяли у последнего главное — идею развития, хотя и восприняли её по-своему: как поступательное и нелинейное движение к новой организации общества, к разворачиванию всех форм хозяйственной, политической и духовной жизни. «Человеческое общество, в его целом, так же, как и отдельный человек, достигает полноты своего развития тогда, когда порождает наибольшее богатство индивидуальных характеров и отдельных социальных формообразований» [3, 449]. Полагаю, что с этим высказыванием могут вполне согласиться и сторонники модерна западного типа.

В целом же, евразийцы, прежде всего, классические, смогли предложить иной путь цивилизационного развития России, который вышел за рамки проекта западного модерна, дополнив его идеей симфоничности как многоединоного. Хотя многие положения сформулированы евразийцами на контрасте с идеями западной философии, их оказалось достаточно, чтобы уйти от

идейного господства проекта модерна и противопоставить ему собственную альтернативу — проект не-модерна, основанный на логике нелинейного движения и собирания многоединого. Возможно, им не удалось в полной мере обосновать аутентичную цивилизационную идентичность России и акцентировать внимание на проекте не-модерна. Но об этом должны позаботиться новые поколения философов.

Таким образом, парадигма линейного развития, присущая цивилизации модерна, наиболее ярким воплощением которой стал Запад, характеризуется «драйверами роста» (свободный рынок, научно-технический прогресс, автономия индивидов и пр.). Её смысл, помимо прочего, состоит в расширении возможностей человека по переустройству мира и его приспособлению к своим нуждам. Проект же цивилизации не-модерна (например, «Россия-Евразия») сформулирован впервые нашими соотечественниками (прежде всего, классическими евразийцами), которые не смогли его развернуть в полной мере и реализовать на практике. Поэтому можно предположить, что им удалось сделать первый шаг — обозначить контуры другого модерна, альтернативного западной модерности.

О том, что модерн есть уходящая натура XXI в., написано много (см., к примеру, статью В.Н. Шевченко в данном выпуске журнала). Поскольку западная философия базируется на цивилизационных паттернах модерна, в т.ч. на идеях линейного развития и индивидуальной свободы, то можно опять же предположить, что в России возможны другие варианты философской стратегии (например, стратегия становления), которая в большей степени соответствует проекту цивилизации не-модерна.

Цивилизационные паттерны стратегии становления. К предварительному пониманию цивилизации не-модерна. Совершенно иначе, т.е. на других онтологических основаниях, построена стратегия становления в философии. Она связана с осмыслением эпохи экоцена, которая приходит на смену эпохи антропоцена, соотносящейся с моделью цивилизации модерна, и в которой на первый план выступают гармоничные отношения человека и среды.

В строгом философском смысле «становление переходит в своё иное, в бытие» (Гегель). Это — диалектическое единство бытия и ничто. Оно предполагает раскрытие или культивирова-

ние человеком образа своей утраченной целостности (К. Юнг и его последователи) или, напротив, порождение бесконечных вариаций сущего (постмодернизм).

Впрочем, нет смысла уточнять философское значение категории «становление» применительно к анализу философской стратегии. Приведу лишь своё понимание некоторых сущностных признаков становления. Если линейное развитие можно представить как восходящее-являющееся присутствие», то становление – это «входящее-являющееся присутствие». Последнее указывает нам на то, что можно вступать в разные миры, не разрушая их изнутри и не подчиняя своей логике развития, т.е. оставаясь с ними со-включенными, о чём пишет А.В. Смирнов.

Другими словами, здесь я исхожу из собственного различия становления и развития как двух форм бытия людей, которые отличаются друг от друга по основаниям «линейность – нелинейность», «вертикаль – горизонталь», «субстанциальность – процессуальность», «присвоение – освоение», «самоутверждение – запечатление».

Следовательно, среди признаков становления следует выделить нелинейность (как многовариантность, альтернативность), движение по горизонтали, процессуальность (совершаемое, длящееся и пр.), запечатление и пр. Они подробно изложены в моей монографии «Феноменология человека. Бытие возможного» (см. прим. 4).

Во-первых, понятие «нелинейность» допускает, что развитие разных цивилизаций осуществляется по их собственным законам. Оно предполагает наличие множества линий движения одновременно. Об этом писали Н.А. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин и др. Поэтому стратегия становления расходится со стратегией линейного развития в содержании декларируемых смыслов и целей. Для стратегии линейного развития характерна направленность на изменения окружающего мира, которые расширяют возможности отдельных индивидов или корпоративных организаций, принося им ощутимые выгоды. Это – стратегия продвижения интересов крупных игроков и корпораций, в т.ч. философских. При этом мир рассматривается как огромная территория конструирования и манипуляции, посредством которых присваиваются чужие ресурсы и происходит адаптация к потребностям отдельных субъектов.

Напротив, в стратегии становления как нелинейного движения цивилизация представляется как место бытия человека, существование и ценность которого не менее важно, чем существование и ценность самой человеческой жизни. В свою очередь конкретное место цивилизационного бытия человека определяется не столько его личными усилиями, сколько возможностями их интеграции в общую матрицу бытия. А эти возможности открываются ему не сразу, а постепенно и по мере освоения (а не присвоения, как в стратегии линейного развития) разных вариантов или линий местобытия цивилизации.

В известном смысле становление есть модус цивилизационного (и шире — исторического) бытия человека, открывающий ему возможности движения по горизонтали, а не по вертикали, как в стратегии линейного развития. Поэтому мир, согласно данной стратегии, следует осваивать, непрерывно раздвигая горизонты бытия, но его нельзя присваивать, подчинять себе, превращая тем самым в гигантскую лабораторию или кухню. Последствия такого волюнтаристского решения окажутся губительными для всего человечества, что подтвердили антигуманные опыты человеческой инженерии нацистов. Впрочем, мы уже сегодня пожинаем плоды применения так называемых биоинженерных и других технологий, радикально изменивших облик нашей планеты и обусловивших нарастающий экологический кризис в мире.

Во-вторых, стратегия линейного развития, в основе которого лежат цивилизационные паттерны общества модерна, оправдывает существование такого типа человека как эго-деятель, который обладает, кроме склонности к риску, способностями присвоения и отчуждения ресурсов чужого местобытия (земли), не принадлежащих ему по праву. Впрочем, о правах человека чаще всего склонны рассуждать как раз те люди, которые сами редко их соблюдают и которые предпочитают замалчивать практикуемые на Западе действия, связанные с дегуманизацией («расчеловечиванием»), расовой дискриминацией и социальной сегрегацией большинства жителей планеты.

В рамках же стратегии становления как нелинейного движения в рамках цивилизации не-модерна можно говорить о совершенно другом типе человека — эго-деятеле, ориентированном на сбалансированное и гармоничное взаимодействие с окружающим миром.

В-третьих, стратегия линейного развития, помимо продвижения эффективных перемен, осуществляемых, как правило в пользу избранных субъектов, очень часто несёт в мир идеи разрушения и хаоса, реализация которых приводит буквально к превращению целых регионов Земли в «выжженную землю». И здесь систематически практикуемое насилие является последним аргументом. То, что нельзя законно присвоить, можно отобрать силой. Об этом свидетельствуют многочисленные войны, развязываемые в мире передовыми боевыми отрядами цивилизации западного модерна.

Причём борьба за сферы влияния и мировое господство продолжают именно по инициативе Запада. А значит, агрессивная сущность модерна капиталистического типа ещё не исчерпала свой губительный потенциал. Нам ещё предстоит найти противоядие против непрекращающейся экспансии так называемого «цивилизованного» Запада и поставить заслон на пути его деструктивных действий.

Наконец, в-четвёртых, стратегия становления в философии опирается на различные социокультурные практики, которые противостоят таким практикам современного развития Запада, как организованное насилие, инспирированные конфликты, негуманные инновации и деструктивные трансформации, которые осуществляются в странах третьего мира. И отечественным философам предстоит определить пути противодействия разрушительному воздействию западной цивилизации и предложить модели новых социокультурных практик.

Представлю теперь результаты сравнения двух философских стратегий — линейного развития и становления, которые соответствуют условно проектам цивилизаций модерна и не-модерна (см. табл. 2).

Таким образом, стратегия становления лежит в основе философского самоописания (и самопонимания) цивилизаций не-модерна. Могу предположить, что к ним отчасти относится не только Россия, но и арабо-мусульманский мир, латинская и африканская цивилизации. Хотя, наверное, цивилизаций не-модерна в чистом виде не бывает. Многие из них не без участия Запада пережили в эпоху колониального и полуколониального существования прививку инновациями модерна. Но им удалось в значи-

Табл. 2.

Основания различения	Проект модерна (линейное развитие)	Проект не-модерна (становление)
Специфика культурной ориентации	Ориентация на субъекта и его интересы	Ориентация на место бытия человека
Направленность движения	Линейность	Нелинейность
Характер движения	Движение по вертикали («снизу вверх»)	Движение по горизонтали («справа – слева»)
Ориентация на субстанцию или процесс	Совершенное, завершённое	Совершаемое, незаконченное, непрерывное
Ориентация на самоутверждение или запечатление	Самоутверждение	Запечатление
Сферы применения	Системный мир	Жизненный мир
Преобладающий тип личности	Эго-деятель	Эко-деятель и др.
Способы деятельности	Присвоение и экспансия («внутренняя» и «внешняя»)	Освоение и соучастие в общем деле («сотрапезничество»)

тельной мере интегрировать их в свою культуру, как это было с Китаем или Россией. Поэтому цивилизации не-модерна – это скорее «смешанные» (традиционно-модерные или неотрадиционные) цивилизации. Благодаря сохранившейся системе традиций страны не-модерна смогли преодолеть давление Запада и отстоять не только свой политический, но и культурный суверенитет.

Однако философская стратегия России, опирающаяся на парадигму становления и концепцию местобытия человека, нуждается в дальнейшей разработке и теоретическом обосновании, что требует новых исследований.

Вместо заключения. России нужна новая философская стратегия, соответствующая её цивилизационным ориентирам и паттернам. И разработать её можно лишь в соответствии с логикой развития отечественной культуры, а также с учётом стратегии становления.

Во-первых, проект российской цивилизации, являющийся главным онтологическим основанием философии, трудно сформировать, прибегая лишь к механизмам прямой инверсии и непосредственной рецепции (копированию). Её цивилизационной статус ещё предстоит обосновать совместными усилиями всего философского сообщества и с опорой на собственную культуру. И именно от этого зависит новая стратегия философии современной России. Пока же прежняя стратегия, несмотря на обостряющееся цивилизационное противостояние с Западом, остаётся прозападной.

Во-вторых, сложность в анализе и проектировании реальных институциональных структур российской цивилизации заключается в необходимости преодоления различных фильтров, которые создают институты, отвечающие за пропаганду и использующие механизмы имитации / декорирования действительности. Поэтому трудно их распознать под разными «вывесками» и «ярлыками». Приходится прибегать к методу анализа имплицитных значений, используемых идеологами понятий. Так, понятия «гражданское общество», «государство», «демократия» и др. применяются чаще всего в их западном понимании и без учёта социокультурной специфики России. А значит, их значения далеки от фактического положения вещей и не соответствуют социокультурной реальности, сложившейся в нашей стране.

Например, то, что у нас называют гражданским обществом, на самом деле таковым не является. Здесь мы имеем дело с механизмами имитации западных образцов гражданской активности и культуры. Но это вовсе не значит, что у нас не было и нет общества как такового. Просто оно складывалось в России совсем иначе, чем на Западе.

Поэтому нашему обществу не подходят чужие ярлыки, а, следовательно, концептуальный аппарат западной философии в целом не пригоден для анализа российской действительности. Беда в том, что имитация социальных институтов Запада чаще всего сопряжена с имитацией его же философии. Так, политические или экономические рецепции («демократия», «свободный рынок» и пр.) дополняются рецепциями философских идей. Поэтому отечественной философии нужно вырабатывать свой язык для описания цивилизационных реалий, сложившихся в стране и соответствующих логике развития её культуры. А это — процесс длительный и интеллектуально ёмкий.

В-третьих, все попытки модернизации России по западным лекалам оказались неуспешными или частично успешными. Следовательно, нам необходимо поддержать и обосновать те модели цивилизационного развития, которые органично сочетали бы инновации и традиции, в т.ч. идеи классических евразийцев, концепцию всечеловечности (в интерпретации А.В. Смирнова) и др. А это потребует дальнейших исследований феномена цивилизации не-модерна и «смешанных» (традиционно-модерных)

цивилизационных моделей, которые скрываются под ярлыками неотрадиционализма и пр.

Итак, рецепции цивилизационных паттернов Запада оказали глубокое влияние на содержание стратегии исследований многих отечественных философов. Некоторые из них некритически приняли стратегию линейного развития, соответствующую паттернам цивилизации модерна, и включили в свой идейный арсенал концепции «устойчивого», «опережающего» и прочего развития. Этим объясняется их стремление воссоздать в России цивилизацию модерна западного образца.

Скорректировать или изменить эти установки может, с одной стороны, достаточная и необходимая совокупность практик деимитации и деколонизации российской действительности, которые предполагают огромный труд по «снятию» привнесённых извне ярлыков и «выкорчевыванию» паразитирующих на нашей почве культурных сорняков («симулякров»), а с другой стороны, и привлекательный проект цивилизации не-модерна, лежащий в основе стратегии становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнасон И.* Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Пер. с англ. М. Масловского, Д. Карасева, Ю. Прозоровой, А. Степанова. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 304 с.
2. *Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. — 2-е изд. — М.: Изд. Дом ЯСК, 2021. — 448 с.
3. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век (к столетию со дня образования СССР и становления евразийства). Кол. Монография / Под ред. И.Ф. Кефели. — СПб.: ИД «Петрополис», 2022. — 532 с.
4. Философия в публичном пространстве современной России. Сборник материалов. — М.: ЛУМ, 2015. — 104 с.

Примечания

1. В практиках философского дискурса используются механизмы инверсии (лат. *inversio* — переворачивание, перенос, перестановка), конверсии (лат. *conversio* — изменение, превращение) и рецепции (от лат. *receptio* — принятие). Более подробное пояснение см.: *Резник Ю.М.* Философская элита в современной России: на пути к консолидации // Вестник РФО. 2023. Вып. 1-2. — М., 2023. — С. 5-47.

2. В советский период сложилась развитая структура общественности (партия, комсомол, профсоюзы, союзы художников, писателей и пр.). Но все они без всякого исключения были тесно связаны с государством. А гражданское общество предполагает экономическую и политическую независимость от государства, дистанцирование от него. Да и сегодня в силу этатистских традиций российского общества возможны лишь квазигражданские структуры, находящиеся под контролем государственной бюрократии.

3. См.: Резник Ю.М. Философская элита в современной России: на пути к консолидации // Вестник РФО. 2023. Вып. 1-2. — М., 2023. — С. 5-47.

4. См.: Резник Ю.М. Феноменология человека. Бытие возможного. — М.: Канон+, 2017. — 632 с.

Yu.M. Reznik

ON THE FOUNDATIONS OF PHILOSOPHICAL STRATEGY IN MODERN RUSSIA: WESTERN RECEPTIONS AND OUR OWN CIVILIZATIONAL GUIDELINES

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. E-mail:
reznik-um@mail.ru

***Abstract:** The author of the article insists that the state and future of Russian philosophy is determined by the need to change the civilizational guidelines (patterns) of Russia. The previous strategy (orientation towards linear development) no longer suits her. It clearly contradicts the logic of Russian culture and the current situation of its civilizational confrontation with the West. Perhaps it is more suited to the strategy of becoming a non-linear movement, focused on its own civilizational patterns, which in turn are inextricably linked with the diversity of Russia's place of existence as a state-civilization and ecosystem.*

***Keywords:** Russia, philosophy, philosophical strategy, civilization, linear development, nonlinear movement, modernity, non-modernity, inversion.*

REFERENCES

1. Arnason J. Civilizacionnye patterny i istoricheskie processy / Per. s angl. M. Maslovskogo, D. Karaseva, Ju. Prozorovoj, A. Stepanova. — М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. — 304 s.

2. Smirnov A.V. Logika smysla kak filosofija soznaniya: priglasenie k razmyshleniju. — 2-e izd. — М.: Izd. Dom JaSK, 2021. — 448 s.

3. Sovetskaja civilizacija i evrazijskaja ideja: dve istorii dlinoju v vek (k stoletiju so dnja obrazovaniya SSSR i stanovlenija evrazijskaja). Kol. Monografija / Pod red. I.F. Kefeli. — SPb.: ID «Petropolis», 2022. — 532 s.

4. Filosofija v publicnom prostranstve sovremennoj Rossii. Sbornik materialov. — М.: LUM, 2015. — 104 s.

Поступила в редакцию 07.12.2023 г.